

Соревновались семьями

20 июня на базе калужского ДЮСШ «Орленок» был проведен спортивный праздник «Папа, мама, я спортивная семья», посвященный Дню защиты детей.

Свежий воздух, природа калужского бора и выходной день заранее настраивали участников и болельщиков на праздничный лад. Открывая соревнования, начальник УМВД России по Калужской области Сергей Бачурин поздравил всех спортивных успехов, крепкого здоровья и хорошего настроения.

Официальная программа соревнований включила в себя эстафету, состязание гиревиков и перетягивание каната. В служебной эстафете участвовали сотрудники патрульно-постовой службы Николай Антошин, Сергей Седов и Мария Попова. В конкурсе подтягиваний на перекладине хороший результат показал сотрудник уголовного розыска Максим Кузнецов и сотрудник отдела экономической и коррупционной безопасности Андрей Кузнецов. А представители отдела уголовного розыска Ро-

май Уколов и Евгений Гаврин продемонстрировали целый комплекс спортивных навыков.

Традиционно зрелищной была эстафета «Папа, мама, я - спортивная семья», где наряду с сотрудниками полиции демонстрировали быстроту и ловкость их дети. В конкурсе приняли участие семьи Крундышевых и Расщупкиных. В соревновании по бегу на 1000 метров, во главе с начальником ОМВД России по Боровскому району Андреем Хохловым, приняли участие и Мария Попова с Николаем Антошиным. А вот в перетягивании каната участвовал весь мужской состав команды.

По итогам спортивных состязаний команда полицейских Боровского района заняла почетное третье место.

Пресс-служба ОМВД по Боровскому району

Общество

Вспоминая оккупацию

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. А в октябре Боровский район оккупировали немцы. Многие боровчане хорошо помнят тот период. Воспоминания одного из них - Владимира Антоновича Корнеева - записала и предоставила в редакцию директор Школы мастеров при РДК Ольга Захарова.

«Сейчас мне 81 год, я живу в Йошкар-Оле, а до войны проживал в Боровске, в большой семье, на 2-й Кооперативной улице, которую после войны переименовали в улицу Победы.

В сентябре я пошёл в первый класс. Но к середине октября, с приближением немцев, стало уже не до учёбы. Всем жителям было рекомендовано рыть окопы, чтобы укрываться во время возможных бомбёжек. Такое укрытие было устроено и в нашем саду. Мужчины соорудили настоящий блиндаж с деревянным перекрытием и земляной насыпью над ним. Вход закрывала снятая где-то дверь. Там мы все и укрылись. А было нас в то время 13 человек. Взрослых мужчин было трое: дедушка, мой отец и его брат Пафнутий. Пафнутий не призывался по состоянию здоровья. А отец был призван в истребительный батальон, но перед приходом немцев их распустили, а в армию мобилизовать не успели. Он был призван уже после освобождения Боровска, воевал на третьем Белорусском фронте, закончил войну под Кенигсбергом.

В блиндаже провели всю ночь. Стрельбы не было. Под утро, ещё в темноте, дядя Пафнутий решил сходить проверить обстановку. Вернувшись, рассказал, что по улице ходят немцы.

Когда совсем рассвело, мы осмелились вернуться в дом. Двери были нараспашку, вещи раскиданы. Видимо, оккупанты, как только вошли в город, сразу стали собирать «трофеи» у населения. Наверняка они догадывались, что боровчане могли самое ценное закапывать в землю. Поэтому в дальнейшем обследовали почву около домов, в том числе и с помощью шупов.

Дядя Пафнутий вместе с другими вещами закопал патефон с пластинками, немцы его не нашли. После войны мы часто слушали на этом патефоне довоенные записи. Повсюду стояли конные повозки, крытые брезентом автомашины. На технику набрасывали сено - маскировали от нашей авиации.

В нашем доме, как и во многих дру-

гих, тоже поселились оккупанты. Всю нашу большую семью выселили в переносную, спали мы на полу.

В саду ремонтировали машины. Чтобы разместить технику, была сломана изгородь и спилена часть яблонь. А через дом от нас был устроен продовольственный склад. Когда привозили продукты, к разгрузке подключали и нас, ребятшек. После работы давали по буханке хлеба. Это было большим подспорьем. Потому что с питанием было тяжело. Немцы забрали из погреба значительную часть овощей, заготовленных с осени. К счастью, не взяли корову, это помогло нам выжить.

При этом фашисты не прощали воровства. Один из боровских мальчишек как-то украл что-то из кузова машины. Немцы это заметили и тут же его расстреляли.

Среди оккупантов разные попадались люди, и относились к нам по-разному. Вспоминается такой случай. Однажды поздно вечером к нам зашёл денщик офицера, и стал совать пустое ведро моему отцу, требуя принести воды. Колдунца поблизости не было, и идти нужно было довольно далеко, - на текиженский родник. Но уже наступил комендантский час, и отец идти отказывался. Денщик стал силой выталкивать его за дверь. Свидетелем этого конфликта стал солдат по имени Вилли. Он так врезал денщику, что тот свалился на пол. А потом Вилли ещё долго выговаривал денщику в резком тоне, а тот слушал это с испуганными глазами.

Немцы сначала ходили весёлые, беззаботные, то и дело приговаривая: «Москва капут!». Но постепенно их настроение менялось. К концу декабря многие стали покидать город. Ушли и авторемонтники, располагавшиеся в нашем доме. Чувствовалось, что Красная Армия уже близко. Всё чаще слышались артиллерийские залпы. Как-то вечером я увидел подвешенную над горизонтом цепочку огней. Как будто огненные шары пролетели по пологой траектории. Я, конечно, тогда не знал, что это работала наша «Катюша».

За несколько дней до Нового года стало особенно тревожно. Начала стрелять

немецкая артиллерия. Несколько пушек вели огонь с огорода на 1-й Кооперативной улице, метрах в ста пятидесяти от нашего дома. Выстрелы были настолько мощны, что мне казалось, будто дом подпрыгивает.

Мы приняли решение укрыться в погребе. Дедушка с нами не пошёл. Он был глубоко религиозным человеком и отдавался на волю судьбы. Я хорошо помню его последние слова: «На всё воля божья, чему быть, того не миновать». С ним осталась и бабашка.

Вскоре над нашими головами послышался страшный грохот. А через некоторое время голос бабушки: «Вы живы?». Оказалось, один из снарядов угодил в наш дом. Дедушка погиб, бабушка была ранена. После освобождения её пытались лечить, но она скончалась той же зимой.

Люк, ведущий в погреб, в результате взрыва завалило. Пролететь мы могли только через вентиляционное окно, которое с трудом удалось расширить. Но не спешили выходить - вокруг слышались взрывы, бегали немцы.

Не спешили до тех пор, пока не услышали: «Пожар!». Это остатки нашего дома горели. Когда мы вышли, увидели страшную картину: горела вся улица. Погода была тихая, морозная, безветренная. Пламя поднималось вертикально вверх, как от свечей.

Мы перебрались в тот самый блиндаж, который выкопали перед оккупацией. Там провели ещё около двух суток. Отчётливо помню, что очень мучила жажда. У кого-то нашлась маленькая плоская круглая жестянка. В таких раньше продавались леденцы «монпансье». В эту жестянку набирали снег, оттаивали его, а потом давали пить детям.

На вторые сутки стрельба утихла. А вскоре сверху послышалось долгожданное: «Выходите, наши овладели городом, опасность миновала».

Выбрались наверх. Вокруг только чёрные головешки да печные трубы - останки домов. Кое-где ещё оставались немецкие повозки. Напротив места, где ещё недавно был наш дом, стоял пулемёт «Максим».

В уцелевшем погребе у нашей родственницы тёти Оли собрались соседи из близлежащих домов. Сварили мороженую картошку, которая казалось невероятно вкусной после многих дней голодания.

В тот же день отправились в центр города искать пристанище, благо другие улицы не так пострадали, как наша. Вначале мы заняли пустующую квартиру на улице Володарского. Но вскоре вернулись из эвакуации хозяева, и нас поселили на Калужской улице, где мы и прожили до конца войны.

Как я уже говорил, отца призвали в армию. После окончания войны и его демобилизации мы стали строить свой дом. Нам, как погорельцам, выделили лес для строительства. Участок был большой. На нём уместились дома моего отца и двух его братьев. А рядом был ещё довоенный дом третьего отцовского брата.

Сразу после освобождения Боровска начались школьные занятия. Я стал учиться в начальной школе на улице Урицкого. Нашлись учебники, ручки, чернила. Но не было тетрадей. Писали на любой имеющейся бумаге, или на старых газетах поверх печатного текста.

Перерыв в учёбе в связи с оккупацией длился около трёх месяцев, но это не помешало вовремя закончить учебный год».

Дмитрий ОДИНОКОВ